

Людмила САНИЦКАЯ — кандидат медицинских наук, врач высшей категории. Занимается литературой в течение многих лет — пишет лирические стихи, очерки, биографические эссе. Темы её творчества — сложный мир человеческой души, природа родной земли.

Автор четырёх поэтических сборников и книги мемуарной прозы «Вверх по ручью». Публиковалась в журналах «Юность», «Простор», «Будь здоров», «60 лет не возраст», международных альманахах «Муза» и «Связующее слово», альманахах «Московский год поэзии», «Литературная республика», «Синева на крылах», «Небеса любви»,

«Краски жизни», «Стихотворный светоч», «Мы рождены для вдохновенья», «То пятое время года», «Судьба России»¹. Публикуется в периодической печати, постоянный автор литературной страницы «Медицинской газеты».

Людмила Саницкая — член Союза писателей России, Союза писателей XXI века, член Литературного клуба «Московитянка» Центрального Дома литераторов, Литературного объединения Центрального Дома учёных, Регионального общественного Фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч».

Является лауреатом литературной премии им. М. А. Булгакова.

ПАМЯТЬ

Ореховое дерево у дома,
Тропическое солнце Ферганы...
На карточке семейного альбома —
Мой отчим, не вернувшийся с войны.

Смеётся, с мамой молодой в обнимку.
Так оба хороши и влюблены,
Что счастье проливается со снимка...
И дата — за неделю до войны.

¹ «Золотое руно».

Письмо — солдатский серый треугольник —
Последнее из крошева войны.
И выражение неизбывной боли
У мамы — до конца, до седины.

Теперь, наверное, они опять в обнимку
Стоят среди небесной тишины.
И мама молодая, как на снимке,
И отчим, не вернувшийся с войны.

ДОМ ТВОРЧЕСТВА

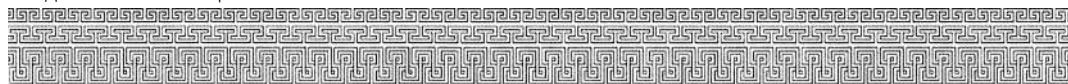
Всё тот же Дом, пленяя и маня
Наивностью и ветхостью ампирной,
Всегда не замечающий меня
В задумчивом молчании надмирном,
Он так же светит сквозь узор листвы
Молочной белизною колоннады.
А мне довольно гроз, дождя, травы,
Чтоб стать своей в запущенности сада
И поспешить захлопнуть ноутбук
И в путь пуститься по сырой тропинке...
А ночью слушать отдалённый стук
Старинной, верной пишущей машинки¹.

* * *

Ветшает наш писательский приют.
И ниже прежней кажется ограда...
Но сосны здесь до неба достают,
И так же бел рисунок балюстрады.

В пространстве своего полукольца
Она, как прежде, выслушать готова

¹ Существует легенда, что по ночам в старом корпусе Дома творчества работают жившие здесь писатели.

И откровения титана и творца,
И строки малые отеческого слова.

Ветшает Дом, но всё светло крыльцо,
И так же он отогревает сердце,
Как навсегда любимое лицо,
В которое глядеть – не наглядеться.

* * *

Птичий посвист строкой монотонной
Да листвы полутень-полусвет...
В этом мире спокойно-зелёном
Можно жить до скончания лет.
Можно думать, что в этой аллее,
Где витает великая тень,
Старый дуб обо мне пожалеет,
А весной распахнётся сирень.
Можно жить в безвоздушном пространстве,
Растворясь в городской толкотне,
Если знать, что есть сад Гефсиманский,
Что он, может, вздохнёт обо мне.

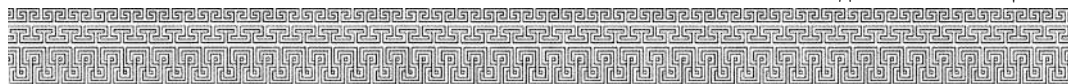
* * *

Во сне ли, наяву — в словесной мгле
Блуждаю в тщетных поисках глагола.
И так в душе беспамятно и голо,
Как будто слов не знали на земле.

Одни лишь междометия влача,
Бредёт сознание, жалуясь и плача,
Забыв о том, что жизнь и есть удача,
Счастливый случай с Божьего плеча.

Случайна жизнь, случаен слов недуг...
Надолго ли — не мне Ему перечить!

Но если непрерывен сердца стук,
То не прервётся звук родимой речи.

* * *

Всего лишь — чуткий к Слову слух
Да небольшой словарь.
Но поэтический недуг
Сегодня, как и встарь,
Владеет сердцем и душой
И пробует перо...
Живёт словарик небольшой,
Где Веди и Добро.

* * *

Я люблю этот месяц озябший,
Эту грусть листопадных дождей,
Эти листья, что за руки взявшись,
Укрывают асфальт площадей.
Свет раздумья и тихой печали,
Затаённый рембрандтовский свет...
Всё — любовь, у которой начала
И конца, как у родины, нет.

